

УДК 141

Глазьев Сергей Сергеевич

Аспирант

Философский факультет МГУ им М. В. Ломоносова

sergey.glaziev@protonmail.com

Sergey S. Glaziev

PhD student

Faculty of Philosophy, M. V. Lomonosov Moscow State University

sergey.glaziev@protonmail.com

ВОЗМОЖНЫЕ РАЦИОНАЛЬНОСТИ ПОДКРЕПЛЯЕМЫЕ ПРИНЦИПОМ ФАКТУАЛЬНОСТИ К. МЕЙЯСУ И ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ

POTENTIAL RATIONALITIES BACKED BY PRINCIPLE OF FACTUALITY OF Q. MEILLASSOUX AND THEIR LIMITATIONS

Аннотация. В данной статье в контексте дискуссии о рациональностях рассматривается принцип фактуальности французского философа К. Мейясу, описанный в его важной работе "После конечности. Эссе о необходимости контингентности". Статья начинается с краткого описание понятия "рациональность" для более прозрачной работы с проблемой. Затем описывается ход рассуждения К. Мейясу, позволяющий ему сформулировать принцип. После рассмотрения предлагаемой аргументации, изучаются возможные их следствия для философии, которые затем интерпретируются как возможные рационалистические основания с аксиологической (рациональность-ценность) и эпистемологической (рациональность-истина) точек зрения.

Ключевые слова: Мейясу, рациональность, истина, ценности

Abstract. While being in the context of discussion about rationalities, this article examines the principle of factuality by the French philosopher Q. Meillassoux, which was expressed in his important work "After finitude: An Essay on the Necessity of Contingency". The article begins with a brief examination of a concept of "rationality" for a more transparent work on the problem. After that the movement of thought of Q. Meillassoux, which allowed him to formulate the principle, is described. After examining the presented argumentation, potential effects on philosophy are investigated, which are later interpreted as potential foundations of rationality from axiological (rationality-values) and epistemological (rationality-truth) points of view.

Keywords: Meillassoux, rationality, truth, values

Перед началом главной части исследования необходимо составить представление о том, что будет подразумеваться под термином "рациональность". Новая философская энциклопедия В. С. Стёпина не даёт однозначного представления данного термина, согласно статье В. Н. Поруса: "символизирующий одну из ключевых тем философии, фундаментальную проблему, решение которой определяется общим содержанием той или иной философско-методологической концепции." [6]. Примерно похожее восприятие термина можно найти у Н. С. Автономовой [1, с. 11]: "Значение понятий "рациональность", "рациональный" функционально, контекстуально обусловлено: ... противополагается ли рациональное мнению (античность), вере (средневековые), догматизму предрассудков (эпоха Просвещения), эмпирическому - будь то интуитивистскому, сенсуалистическому или иррациональному (в каких бы конкретных формах оно ни воплощалось - воля, жизнь, инстинкт, бессознательное и т. п.). И напротив, можно было бы, наверное, сказать, что тема рациональности постоянна и неизменна, как для философского, так и для научного мышления, поскольку разум постоянно сталкивается с тем, что разумом не является и что еще только должно быть познано, зафиксировано логико-дискурсивными средствами как всеобщий и необходимый результат познания.". Чуть более прозрачно определение из философского словаря А. А. Ивина: "рациональность (от лат. ratio - разум) - разумность, характеристика знания с т. зр. его соответствия наиболее общим принципам мышления, разума. Поскольку совокупность таких принципов не является вполне ясной и не имеет отчетливой границы, понятию "Р." свойственны и неясность, и неточность." [3]. Определение подводит нас к пониманию рациональности как соответствуанию, но только теперь уже неясно, что понимать под "принципами мышления". Здесь можно вновь обратить внимание на рассуждение Н. С. Автономовой и заметить связь рациональности и разума, - получается, согласно и её взгляду тоже, рациональность это соответствие разуму. Соответственно, рациональность - следование какому-то проекту, "генерируемым" разумом, а иррациональность - несогласие с этим проектом с точки зрения самого проекта.

Далее необходимо обдумать, каким образом разум может быть источником рациональности. Согласно философскому энциклопедическому словарю под редакцией Н. М. Ланда, "Рациональное ... - ... установленное и

обоснованное им, происходящее из него, доступное его пониманию." [7]. Итак, разум должен каким-то образом обосновать свою рациональность и с как раз с этим связаны очень серьёзные проблемы в философии. Как отметил А. А. Ивин, "Никаких абсолютно надежных и не пересматриваемых со временем оснований теоретического знания не существует; можно говорить только об относительной их надежности. В Р., в оценке знания с т. зр. общих требований разума, стали видеть своеобразную компенсацию ставшей очевидной ненадежности процедуры обоснования." [3]. Безусловно, такая категоричность и негативность в отношении возможности универсальных оснований, которая характерна для очень многих современных философов, задаёт сегодня тон релятивизма в качестве основного, который, при жёсткой категоричности его выражения, не может не показаться во многом метафизически догматичным. Догматика остаётся одной из самых больших головных болей философии - как избегая догматики добиться уверенности, если практически всякая уверенность догматична? Даже "уверенность" содержит корень "вер", отсылая к вере.

Один из самых известных относительно новых проектов в современной философии является поиск К. Мейясу универсальных оснований для обоснования науки, которые были бы сами по себе недогматичны. В его основной работе "После конечности. Эссе о необходимости контингентности", французский автор описал возможный путь, который бы, позволил абсолютизировать наше научное знание на примере датировки древних ископаемых (проблема палеоископаемого). Его оригинальный подход, использующий язык постнеклассики для побега из неё, вызвал существенную полемику в философской среде, в которую можно будет погрузиться после описания ходов, сделанных в книге.

Начав с описания проблемы "архиископаемого", К. Мейясу далее указывает на то, что поиск основания основания идёт в бесконечность и создаёт сложную метафизическую проблему. "Если мы хотим в итоге сохранить смысл высказываний о доисторическом, не возвращаясь к догматизму, мы должны найти такую абсолютную необходимость, которая не будет возвращать нас ни к какому абсолютно необходимому сущему. Иначе говоря, мы должны мыслить абсолютную необходимость, не мысля ничего абсолютно необходимого" [5, с. 43-44]. К. Мейясу продолжил эту линию рассуждения, указывая, что должна существовать "абсолютизирующая мысль, которая не была бы абсолютистской" [5, с. 45]. Далее французский философ сравнивает сильную (Хайдеггер, Витгенштейн) и слабую (Кант) модели деабсолютизации, отвергая обе, отмечая, что "конец метафизики в поисках основания своих притязаний на абсолют принял форму возвращения к крайней религиозности" [5, с. 62]. Как и ожидалось, антиметафизика - метафизическая позиция. Следующий шаг К. Мейясу заключается в абсолютизации знания о возможности абсолюта: "Мы, в свою очередь, извлекаем онтологическую истину, скрытую скептической аргументацией: превращаем радикальное незнание в знание о бытии, наконец-то обнажив его достоверную абсолютность" [5, с. 73]. Для подкрепления этого подхода, метафизический принцип достаточного основания переворачивается с ног на голову в "принцип неоснования", провозглашённый в отличии от своего перевёртыша истинным, признавая за всем возможность без всякого основания стать другим (Хаос). На этой неутешительной ноте исследование не заканчивается, а переходит в попытку позитивного разворачивания философской мысли из "неоснования", которое превращается в "принцип фактуальности", выраженный как "только фактичность не является фактической", и, тем самым, через неконтингентность контингентности, отвергает сильную модель деабсолютизации, иными словами "продвинулись в определении Хаоса от тезиса сильной модели (Хаос может всё) к тезису слабой модели (Хаос не может немыслимое)" [9, с. 108-109], таким образом доходя до мыслимости кантовской "в-себе". Далее, отказываясь от кантианской приверженности к неизменным законам, К. Мейясу отражает и юмовский скептицизм: абсолют не связан с необходимостью неизменных законов, однако мы в нашей практике существуем в относительно стабильных закономерностях, на которые мы можем относительно хорошо опираться: "Тот, кто не тотализирует возможное, может помыслить стабильность законов, не дублируя ее загадочной физической необходимостью" [5, с. 160]. Последняя проблема, им разбираемая связана с долгосрочной научной достоверностью тех знаний о мире, которые мы черпаем исключительно из научных теорий и гипотез. Философ не удовлетворяется верности "в-себе" Канта и обезопасив себя от Юма идёт к реабилитации Р. Декарта и его принципу абсолютизируемости того, что математизируемо: если нам дан математический расчёт прошлого, то прошлое достоверно. Он идёт к решению и... его не находит, а оставляет, видимо, на потом.

В рассуждении К. Мейясу можно выделить ключевой для его философии вывод о том, что "Хаос не может немыслимое". Вполне понятны возможные большие его следствия: универсальность математики, возможность достоверного взаимопонимания и коммуникации, достоверность знания. Всё это возвращает нас, как сам французский философ и отметил, назад к И. Канту и на этом в большинстве своём его анализ заканчивается. Сам К. Мейясу, однако, весьма критично относится к взглядам немецкого философа, отсылая кантианство к "контрреволюционному" "птолемеизму" - геоцентрической модели К. Птолемея* и отдавая предпочтение Р. Декарту, что

* Здесь в русском переводе обнаруживается ошибка, меняющая смысл фразы на противоположный. В оригинале на французском: Nous avons progressé, dans la détermination du Chaos, de la thèse du modèle fort (le Chaos peut n'importe quoi), à la thèse du modèle faible (Je Chaos peut tout sauf l'impensable).

* Не смотря на отказ от классического геоцентризма, увлекательным парадоксальным образом нельзя не заметить, что современная астрономия невольно геоцентрична - хотя Земля и обращается вокруг Солнца, наши представления о Вселенной можно представить в качестве неравномерной сферы (из-за затмений наподобие Большого Провала), где Земля (или, в крайнем случае, солнечная система, наше объёмное обиталище) бы находилась в центре.

может всецело нас погрузить в возрождённый классический рационализм - однако, сам автор этой концепции был скорее всего не согласился с со столь далекодушными выводами.

Разбирая работу К. Мейясу с точки зрения изучения рациональности, необходимо заметить, что рациональности можно разделить на две важные категории: рациональности аксиологические (ценностные) и рациональности гносеологические (истинностные). Например, вопрос "что самое важное в жизни" - ценностный, а "можно ли в самом деле быть уверенным, что $2+2$ на самом деле равняется 4 и применимо к загрузке 2 чемоданов и 2 пакетов в багажник" - истинностный. Такое различие порождает исследование взаимосвязей этих двух рациональностей и обнаруживает два важных нюанса, заключающихся во первых в проблеме истины как ценности, а во вторых в проблеме рассудочного решения ценностных проблем. Например, я знаю, что мне аксиологически рационально необходимо добраться до Новгорода, однако для того, чтобы выбрать верный путь в город, необходимо правильно рассчитать варианты и неясность принципиальной возможности верного расчёта создаёт проблему. Аксиологическая рациональность зависит от рациональности истинностной, по крайней мере опосредованно при её актуализации. С другой стороны, поиск истины сам по себе может быть рассмотрен как ценность, да и в целом под деятельностью любого философа можно обнаружить некие ценности. Любопытно, что возможен аргумент о том, что аксиологическая рациональность имеет слабое отношение к философии, поскольку, уже оказавшись внутри занятия философией, мы должны следовать философским методам, где уже не должно быть места аксиологии, однако само решение заниматься философией определяется аксиологией и возможна дискуссия о том, как аксиология формирует не только философские тематические предпочтения, но и философские методы. Помимо этого, исходя из онтологических концепций философы очень часто берутся переходить к аксиологическим выводам. Один из самых ярких - "Анти-Эдип" Ж. Делёза и Ф. Гваттари, в котором онтология потоков шизофрении наводит на аксиологию поддержки шизофренического процесса [2, например, с. 196-197/499-501]. М. Фуко в своём предисловии к книге прямо видит в ней путь к новым, в его понимании антифашистским ценностям [2, с. 8]. В общем-то, онтология связана с аксиологией с самого своего появления, "брать" можно даже с Гераклита [4, с. 113].

В "После конечности", безусловно, предпринимается попытка разработать непротиворечивую истинностную рациональность, которая, в итоге, привела бы к абсолютной науке. Любопытно, что, даже если в какой-нибудь новой работе К. Мейясу добьётся своего, обосновав абсолют, абсолют К. Мейясу уже заведомо представляется ограниченным в качестве настоящего Абсолюта. К. Мейясу предполагает, что мы сможем, наконец, сказать, не "согласно современной геологии Земле 4 миллиарда лет", а "Земле 4 миллиарда лет", абсолютизировав математику и научный метод. Однако, беда в том, что наука как формальная система никогда не сможет обосновать саму себя - её всегда нужно идти к философии за билетиком. Это особенно очевидно в науках о человеке, гуманитарных науках, прямо зависящих от текущего состояния философской аксиологической дискуссии. Наука это инструмент человечества и вопрос о том, как направлять инструмент на самого себя по самой своей сути вне научный. Так, сегодня в США мы получаем науку, кастрирующую детей [10], раньше в Германии учёные занимались отправляющими газами, использовавшимися на заключённых концлагерей. И то, и то имеет возможные научные обоснования, которые сегодня многие учёные называют псевдонаучными но, в конечном счёте, эта дискуссия идёт в аксиологию. Неясно, каким образом проект абсолютизации математики К. Мейясу мог бы помочь рационально разобраться в подобных проблемах.

Более того, возможно, абсолютизация математики, не решит ни одну из проблем рациональности. От устранения приставки "по мнению науки" мало что может измениться. Антифидеизм французского философа, которому посвящено много страниц в книге, заслуживает определённой симпатии, в самом деле философия всегда стремилась избегать принятия чего бы то ни было на веру, но неясно, как можно переубедить верующего человека. Он по большому счёту вне философии. Возможно, философии в самом деле не хватает некоей сильной аргументации, которая могла бы "пробудить разум" у фидеистов, точнее, пожалуй, в этом одна из задач философии. Тем не менее, всё равно нет ясности в том, каким образом абсолютизация математики могла бы ответить на аксиологические вопросы, столь важные для большинства верующих.

Даже с точки зрения развития самого научного знания подход К. Мейясу может не быть крепким подспорьем. Наука развивается веря в свои собственные силы. Математики редко сомневаются в математике, не смотря на уже более чем вековые в ней сомнения со стороны философии. Опора же на результаты науки со стороны не учёных скорее определяется её полезностью, нежели строгой истинностью, а также, что делает науку особенной, строгостью научного метода и, что отличает её от теологии, её направленности на неспекулятивное изучение мира. Таковы, пожалуй, ограничения подхода К. Мейясу.

Тем не менее, нельзя сказать, что его работа не имеет ценности. Как раз наоборот, это одна из лучших и самых значительных работ в современной философии, значительно обогащающий её современную дискуссию, ведь в самом деле, как он отметил, в самом конце книги, "Разлад между коперниканством науки и птолемеизмом философии зашёл слишком далеко" - однако, "птолемеизм философии" зашёл слишком далеко не столько в отношении внутренних дел самой науки, сколько в вопросе её применения. Пожалуй, утверждение можно переформулировать как "разлад между человеческой потребностью в достоверности и птолемеизмом философии зашёл слишком далеко". Тогда как человечество имеет все шансы оказаться в глубоком кризисе, о чём бьют тревогу те же учёные ядерщики [8] (явно опирающиеся в своём набате не на физику, а не некий свой собственный "здравый смысл", неизбежно философский), с нарастающей нестабильностью международных отношений, вопросами экологического будущего Земли и новыми технологическими угрозами, философия давно оказывается в стороне от всех этих дел, в самом деле погрузившись в борьбу между птолемеистскими системами.

Тезис "Хаос не может немыслимое", наиболее хорошо разработанный в книге, в след за многими другими мыслями, с которыми бы согласились классические рационалисты, в самом деле может быть весьма важной частью разработки какой-то новой рациональности. По крайней мере, похоже, что любому проекту, стремящемуся к ней, нужно будет этот тезис обосновать.

Список источников

1. Автономова Н.С. *Рассудок. Разум. Рациональность*. М.: Наука, 1988.
2. Гваттари Ф., Делёз Ж. *Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения* / Пер. с франц. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2008.
3. Ивин А. А.. *Рациональность // Философия. Энциклопедический словарь* / Под ред. А. А. Ивина . М.: Гардарики, 2004.
4. Лебедев А. В. *Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов)*. СПб.: Наука, 2014.
5. Мейясу К. *После конечности. Эссе о необходимости контингентности* / Пер. с франц. Л. Медведевой. Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2015.
6. Порус В.Н. *Рациональность // Новая философская энциклопедия: в 4 т.* / Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. Т. 4. М.: Мысль, 2010.
7. *Философский энциклопедический словарь* / Под ред. Н. М. Ланда. М.: Советская энциклопедия, 1983.
8. *Bulletin of atomic scientists, Doomsday clock*. URL: <https://thebulletin.org/doomsday-clock> (дата обращения: 25.11.2025).
9. Meillassoux Q. *Après la finitude. Essai sur la nécessité de la contingence*. Париж: Éditions du seuil, 2006.
10. Trump D. *Presidential order from 28 January 2025 "Protecting Children From Chemical And Surgical Mutilation"*. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/protecting-children-from-chemical-and-surgical-mutilation/> (дата обращения: 25.11.2025).

References

1. Avtonomova N.S. *Rassudok. Razum. Racionalnost*. M.: Nauka, 1988. (In Russ.).
2. Gvattari F., Delyoz Zh. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* / Per. s franc. D. Kralechkina. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2008. (In Russ.).
3. Ivin A. A.. *Racionalnost // Filosofiya. Enciklopedicheskij slovar* / Pod red. A. A. Ivina . M.: Gardariki, 2004. (In Russ.).
4. Lebedev A. V. *Logos Geraklita. Rekonstrukciya mysli i slova (s novym kriticheskim izdaniem fragmentov)*. SPb.: Nauka, 2014. (In Russ.).
5. Mejyasu K. *Posle konechnosti. Esse o neobhodimosti kontingentnosti* / Per. s franc. L. Medvedevoj. Ekaterinburg: Kabinetnyj uchyonyj, 2015. (In Russ.).
6. Porus V.N. *Racionalnost // Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 t.* / Preds. nauchno-red. soveta V.S. Stepin. T. 4. M.: Mysl, 2010. (In Russ.).
7. *Filosofskij enciklopedicheskij slovar* / Pod red. N. M. Landa. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1983. (In Russ.).
8. *Bulletin of atomic scientists, Doomsday clock*. URL: <https://thebulletin.org/doomsday-clock> (дата обращения: 25.11.2025). (In Russ.).
9. Meillassoux Q. *Après la finitude. Essai sur la nécessité de la contingence*. Париж: Éditions du seuil, 2006. (In French.).
10. Trump D. *Presidential order from 28 January 2025 "Protecting Children From Chemical And Surgical Mutilation"*. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/protecting-children-from-chemical-and-surgical-mutilation/> (дата обращения: 25.11.2025).